

СИБИРСКИЕ ОГНИ

6/2019

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*На вопросы редакции журнала «Сибирские огни»
отвечает поэт Юрий Кублановский*

Поэт, эссеист, публицист и литературный критик Юрий Михайлович Кублановский родился 30 апреля 1947 г. в Рыбинске в семье провинциальных интеллигентов. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ в 1970 г. Работал экскурсоводом и научным сотрудником на Соловках, в Кирилло-Белозерском монастыре, в Муранове и других музеях.

В 1976 г. он обнародовал открытое письмо в поддержку А. И. Солженицына, после чего был лишен возможности работать по профессии и служил сторожем, дворником, истопником в храмах Москвы и Подмосковья. В 1982 г., после выхода за границей поэтического сборника, подготовленного к печати Иосифом Бродским, был вынужден эмигрировать. Через восемь лет первым из политических эмигрантов вернулся в Россию.

Заведовал отделом публицистики, а затем поэзии в журнале «Новый мир». Автор многих поэтических сборников, вышедших в США, Франции, России.

«...Поэзии Кублановского, — отмечал А. И. Солженицын, — свойственны упругость стиха, смелость метафор, живейшее ощущение русского языка, интимная сродненность с историей и неуходящее ощущение Бога над нами».

Высокую оценку поэзии Кублановского давал и другой нобелевский лауреат Иосиф Бродский: «Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина... Его техническая оснащенность изумительна...»

Кублановский — лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 г., почетный гражданин города Рыбинска, отмечен многими литературными наградами, в том числе Литературной премией Александра Солженицына (2003), Новой Пушкинской премией (2006), Патриаршей премией имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2015).

Живет в Москве и Поленове.

— Юрий Михайлович, в юности вы были противником советской власти — и вот этой власти нет уже много лет. Лучше ли стало лично вам и стране?

— Противником советской власти я был не только в молодости, и в этом нет ничего удивительного: я христианин, а власть эта была агрессивно атеистическая. Боялись венчаться, крестить ребенка, отпевать родителей — все боялись, что на них настучат и начнутся служебные неприятности. Внутри самой Церкви — я это знаю не понаслышке — тоже все было проедено слезкой, стукачеством. Настоятели боялись старост, которые, как правило, были осведомителями. В общем, жуть. Каждый интеллигентный мужчина, если он был не пустопорожний глупец, жил под страхом: как бы не сболтнуть лишнего. Академик Шифаревич, например, рассказывал мне, что такой страх сопровождал его по жизни много десятилетий.

Я был человеком другого поколения, считал постыдным бояться, но вот в результате и остался тогда без Родины. Если б советская власть продолжала существовать, я и теперь бы мыкался на чужбине без родного языка, родных и друзей.

Страшный был дефицит книг, невозможно было приобрести Библию, стихи русских поэтов начала XX в., невозможно было публично вспоминать людоедские жертвы советской власти. И дефицит, дефицит всего. От еды до шмутья. Всюду очереди, очереди и очереди. Даже в Москве, а в провинции были и вообще совсем пустые прилавки... Неслучайно Александр Солженицын свой короткий нравственный манифест озаглавил «Жить не по лжи». Ложь была повсеместна: в преподавании, где навязывали нам марксистских классиков, в советской идеологии, в общении.

Конечно, под таким прессом иногда — нечасто! — крепили характеры, но чаще, наоборот, мужчины их теряли и жили с изматывающей мышкой страха в груди.

Я лично не мог ни печатать свои стихи, ни высказывать публично свое мироощущение.

С тех пор многое изменилось. Запад — да: деградирует на глазах и политически, и социально. Но у нас в России после десятилетий криминальной революции медленно, но верно многое идет на поправку. Я часто бываю в нашей провинции — с временами советской власти все-таки ее не сравнить. Открываются новые приходы, встречаются семейные пары с двумя и даже тремя детьми, в магазинах изобилие. Так что, если можно так выразиться, общее сальдо, пожалуй что, положительное.

— У Владимира Алейникова вышло несколько книг о СМОГе, о том времени и людях. А вы не думали написать что-то подобное?

— Книги Володи — апокриф, где многое сочинено талантливым автором... Да и любые мемуары, вспомним хотя бы «Петербургские ночи» Георгия Иванова, суть беллетристика, где реальность перемешана с вымыслом... Но вот уже лет тридцать я веду дневник — дневники правдивее. Кстати, три фрагмента были опубликованы в «Новом мире», имели теплые отзывы. Интересующиеся и теперь, очевидно, могут их найти в Интернете на сайте «Нового мира»...

Особенно раздражаюсь, когда в мемуарах и воспоминаниях на целые страницы идет прямая речь, то есть мемуарист якобы дословно помнит старые раз-

говору. Но ведь это явно авторская фантазия. Эпопея Марселя Пруста, как вы знаете, называется «В поисках утраченного времени», но это великая художественная литература. Но именно такими же «поисками» занимаются мемуаристы, не дотягивая при этом ни до художества, ни до документалистики.

— В одном из интервью вы сказали, что в 1990-е гг. появилось два новых настоящих поэта: Денис Новиков и Борис Рыжий. А в 2000-х и 2010-х таких поэтов не было и нет?

— Видимо, так. Да, оказывается, при советском режиме поэтически выживать было легче, чем в криминальную революцию. Оба вышеупомянутых поэта были ею расплющены. Талантливые лирики сегодня есть, но корни их — еще в 1970—1980-х гг. А вот совсем свежих и сильных стихотворцев, в чьих стихах бьется живое сердце, я, пожалуй что, не встречал. Я не могу понять содержания их поэзии. Как вода, оно утекает между пальцами.

И не знаю уж, почему так вышло: мы тоже и гуляли, и пили, да вдобавок еще и не могли публиковаться, но мы держались. Может быть, слишком ранняя слава и неумеренные похвалы не дали ни Рыжему, ни Новикову как следует закалиться, воспитать характер.

Впрочем, и в наше время все было не так уж гладко, вспомним раннюю смерть талантливейшего Леонида Губанова.

— Вы родились в Ярославской области, в Рыбинске, вы почетный гражданин этого города. А следите ли вы за литературной ситуацией, например, в том же Рыбинске, и вообще — интересует ли вас литературная ситуация в российской провинции?

— Очень интересует. И отовсюду я привожу несколько поэтических сборников тамошних поэтов. И читаю уже в Москве или по дороге в Москву...

Нередко встречается лирика, за которой стоит определенное дарование. Провинциальная поэзия простодушней, столичная, как правило, вычурней, но таких обжигающих строк, какие встречаются порой у Маши Ватутиной или Марины Кудимовой, я в глубинке у нас пока не встречал. В Питере живут такие литературные асы, как Стратановский и Кушнер, в глубинке такого уровня, конечно же, нет.

В целом же лирическое сердце бьется сейчас в узкой расщелине между эклектикой и авангардной конструкцией.

— Сегодня для издателей и премиальных жюри часто имеет значение не художественная ценность произведения, а принадлежность его автора к определенному мировоззрению — скажем, весьма условное деление на патриотов и либералов. Не происходит ли в этом случае подмена литературы политикой? И как это влияет на читателя?

— Вы совершенно правы, любая премия как минимум на половину определяется идеологическим закулисьем. И это не только у нас в России. Вы посмотрите, как головокружительно деградирует Нобелевская премия, вспомните ее лауреатов последних лет — и смех и грех. Конечно, премия помогает литератору выживать, жить намного лучше, чем он жил до нее, но это никоим образом не сказывается на мастерстве и силе творчества, пожалуй, наоборот.

Так что ни в коем случае не надо судить о поэте по количеству полученных им наград.

— Политике для определенных целей очень нужна литература, а вот для чего политик нужна литература и нужна ли вообще?

— Политика и литература в России издревле повязаны в одно целое. Тот литератор, который вовсе не интересуется политическим наполнением жизни, очевидно, пустышка. У нас это, кажется, произошло вот почему. Россия не пережила того периода секуляризации, который на Западе отделил искусство от религии и политики. Поэтому русскому литератору было до всего дело. Литература совмещала в себе многие функции и делала это, как мы знаем, блестяще. И так от Ломоносова и Державина до уже Солженицына.

К сожалению, эта связка при советской власти исключила религию, но оставила политику непрременной составляющей соцреализма. Да и не только соцреализма, вот Пастернак написал поэмы «Лейтенант Шмидт», «Девятьсот пятый год» — совершенно советские по духу вещи. И все их приняли, включая эмиграцию, и все ими восхищались. А Пастернак благодаря им хоть и оставался немного на отшибе, но все равно входил в обиход советской поэзии.

Я порой просто не понимаю, чем руководствовались, кроме страха и выгоды, многие талантливейшие советские литераторы, когда писали свои освободительные, славословящие революцию вещи. Ведь это же, наверное, не была исключительно конъюнктура, очевидно, это совпадало с той «освободительной» жилкой, которую они переняли у своих родителей, либералов дореволюционных времен. Я не мог бы жить как ни в чем не бывало в стране, где расстреляли четырех девушек-царевен, наследника и его родителей, уж не говоря о последующих несметных жертвах. А вот многие жили, и ничего.

Впрочем, если в литературе у нас появлялись такие строки (кажется, перенятые у Вольтера), как «кишкой последнего попа последнего царя удавим», то за все приходится платить потом по счетам!

— Считается, что Интернет и социальные сети уже почти убили книги и литературные журналы. Насколько, по вашему мнению, это соответствует истине? И какова дальнейшая судьба бумажных книг и журналов?

— При советской власти книга была драгоценный «штучный товар». Выходил Бахтин — все читали Бахтина, выходил Выготский — все читают Выготского, выходит «Разговор о Данте» — все читают Мандельштама. Теперь — море книг, такого выбора, такого спектра не было даже и в Серебряный век. Придите на любую книжную ярмарку — убедитесь. Я покидаю такие мероприятия, пошатываясь, под сильным культурным хмельком. И тем не менее все мы знаем, понимаем: книга вымывается из человеческой культуры, из интеллекта.

Интернет меняет сознание: протяженное, культурное, на клиповое. Прочитать, не отвлекаясь, объемный роман мало кому сегодня по силам. Эпопеи Музиля, Пруста, объемные романы старых классиков, историческая эпопея Солженицына «Красное колесо» — читать все это сегодня мало кому по силам. Тем более поэзия, поэзия требует вживания, многократного перечитывания — на это указал еще двадцать лет назад Солженицын, когда писал о моих стихах. Что будет дальше? Видимо, в этом смысле ничего обнадеживающего.

Та культура, которая нам дорога, которая уходит корнями в христианскую истину, будет ужиматься, как шагреновая кожа, уступая место тому, что можно считать паракультурой, не отвечающей душе человеческой, но только развлекаемости. Что же придет на смену?

Николай Бердяев писал, что уже через несколько месяцев после революции русские лица переменились прямо-таки антропологически: вместо доверчивости и простодушия — цинизм и жестокость. Общество, которое еще недавно виделось как христианское, превращалось на глазах в живодерню.

Вот и теперь то, что приходит на место старой цивилизации, меняет людей даже внешне. И это, конечно, не только у нас, но и по всей Европе. Там этот процесс начался после сексуальной революции 1968 г., когда резко понизился уровень образования и была потеснена (и потеснена сильно!) мораль. У нас этот процесс, кажется, не зашел еще так далеко. Нет очередей на смену пола и прочее. Но все-таки мы втянуты в ту же воронку, а она не предусматривает ни тонкой лирики, ни толстых журналов. Уходит из мира красота, стойкость, историческая архитектоника. А с ними и сопутствующая им культура.

— Власть непрерывно говорит о необходимости духовного единения страны, пытается делать проекты, направленные на создание идеологии, но, как правило, все силы новых идеологов брошены на киноиндустрию, и при этом совсем не обращается внимания на писателей. Как вы считаете, почему так происходит?

— Но это объяснимо легко. Патриотический блокбастер на военную или спортивную тему завораживает миллионы людей, а у книг сравнительно небольшая аудитория, и идеология может обходиться без серьезной литературы, а тем более без поэзии. Ведь поэзия, помимо прочего, требует, очевидно, едва ли не врожденного поэтического слуха, и таким слухом, кажется, обладает меньшее количество людей, чем слухом музыкальным.

Прошли те немножко сумасшедшие времена, когда «поэты-эстрадники», как их называла Ахматова, собирали стадионы и огромные залы. И, например, в обширной Коммунистической аудитории МГУ, где они тоже порой выступали и куда однажды Евтушенко привел только что возвращенного из ссылки Иосифа Бродского, Бродского слушать никто не стал, а Евтушенко сорвал овации: аудитория была натренирована уже на другое...

— Есть ли будущее у русской литературы, и каким вам видится это будущее?

— Любой ответ на этот вопрос будет пошловатым гаданием на кофейной гуще. Насколько Россия сумеет остаться по-доброму самобытной, настолько есть шанс и у ее литературы. А если полностью войдет в новый цивилизационный поток, то от той литературы, которую мы любим и ценим, пожалуй, ничего не останется.

Но все-таки я не устаю повторять про себя слова Баратынского: «Поэзия есть задание, которое следует выполнить как можно лучше». Разумеется, это задание не государства и не массового читателя, это задание свыше. Большинство литераторов и моего поколения, и поколений предыдущих думали именно так. И пока такая убежденность остается в писателе, русская литература будет существовать.